

Аксель Панцер

За последней остановкой

Рассказы



Аксель Панцер

За последней остановкой

<https://litres.ru/74532897>

SelfPub; 2026

Аннотация

В небольшом посёлке Коля растёт среди немногих книг, редких уроков музыки и постоянного чувства, что настоящий мир начинается где-то дальше — за поворотом дороги, за последней остановкой.

Он ищет книги по чужим домам, читает ночами, мечтает о пианино, ловит редкие минуты за чужим инструментом и учится дорожить тем малым, что ему дано. Эти рассказы — тихая, светлая и пронзительная проза о детстве, о жажде знания, о несбывшейся музыке и о том, как именно маленький мир формирует человека на всю жизнь.

Аксель Панцер

За последней остановкой

Книга с чужой фамилией

В доме книг было немного. Они стояли на двух полках старого шкафа в большой комнате, между фотографиями родственников и круглым будильником, который почему-то всегда спешил минут на семь. Несколько томов классиков, потрёпанный атлас мира, отцовский справочник, две книги о войне, сборник стихов и ещё несколько таких, которые никто уже давно не открывал. Коля знал их почти все.

Некоторые он прочитал, некоторые только перелистал, а в иных ему пока было трудно понять почти каждую страницу. Но даже такие книги он время от времени снимал с полки, словно надеялся, что за прошедший месяц успел повзрослеть настолько, чтобы теперь разобраться в том, что прежде казалось непонятным. Особенно его притягивал атлас. Он мог подолгу рассматривать страны, о которых ничего не знал, водить пальцем по тонким линиям рек, находить города с непривычными названиями и представлять людей, которые там живут.

Ему казалось удивительным, что где-то в ту же самую минуту существуют улицы, которых он никогда не видел, моря, до которых отсюда нужно ехать несколько суток, и люди, которые утром просыпаются, идут на работу, разговари-

вают друг с другом и совершенно не подозревают о существовании их маленького посёлка. Сам посёлок был невелик. Несколько улиц, школа, клуб, магазин, почта, автобусная остановка и библиотека, помещавшаяся на первом этаже длинного кирпичного здания. За последними домами начинались огороды, дальше тянулось поле, а потом дорога уходила к лесу.

Иногда Коля стоял у края посёлка и смотрел туда, где дорога становилась узкой серой полосой и исчезала за поворотом. Ему хотелось знать, что находится дальше. Не вообще — он понимал, что там есть другие посёлки, города, железные дороги. Ему хотелось знать подробно. Какие там дома? Какие люди? Что они читают? О чём разговаривают по вечерам? Есть ли там большие библиотеки? Музыкальные школы? Театры? А что начинается ещё дальше? В школе на такие вопросы отвечали редко.

Там всё было устроено понятнее.

— Откройте учебник на странице сорок семь, — говорила учительница.

И все открывали страницу сорок семь. Но Коле иногда хотелось понять, почему именно сорок семь. Что было до событий, описанных на этой странице? Что произошло после них? Почему в учебнике об этом сказано всего два абзаца, если происходило всё, наверное, гораздо сложнее? Он спрашивал. Не всегда к месту. Иногда учителя отвечали подробно. Иногда смотрели на него с некоторым удивлением.

— Это вы будете проходить позже.

Или:

— Не забегай вперёд.

Коля не понимал, зачем нельзя забежать вперёд, если впереди как раз находилось самое интересное. Поэтому он читал. Читал всё, что попадалось. Газеты. Старые журналы. Школьные хрестоматии. Книжки для детей младшего возраста, давно оставшиеся в доме. Отцовские справочники. Иногда даже инструкции. Однажды от скуки Коля прочитал почти целиком руководство по эксплуатации электрического прибора, которого в доме уже несколько лет не было. Он мало что понял, но ему всё равно было интересно, почему одни провода нужно соединять именно так, а не иначе.

Книг всё равно не хватало. Домашняя библиотека кончилась довольно быстро. Поселковая библиотека казалась Коле огромной только в первый день. Тогда он вошёл туда вслед за матерью и остановился возле двери. В комнате стояли высокие деревянные стеллажи. Книги теснились на полках, некоторые были в одинаковых тёмных переплётках, другие — в ярких бумажных обложках. От них пахло сухой бумагой, пылью и чем-то ещё, чему Коля тогда не мог подобрать название.

Позже этот запах навсегда стал для него запахом библиотеки. За столом сидела женщина в очках на тонкой металлической оправе. Перед ней лежала большая тетрадь с фамилиями читателей. Она посмотрела поверх очков.

Библиотекарь подняла глаза поверх тонкой металлической оправы и, чуть склонив голову, спросила: — Тебе что-нибудь школьное?

— Нет.

— А что?

Коля растерялся.

Ему хотелось сказать:

— Всё.

Но он понимал, что так, наверное, не отвечают.

— Интересное.

Библиотекарь улыбнулась.

Она едва заметно улыбнулась, словно этот ответ слышала не впервые, и мягко заметила: — Интересное у всех разное.

Она поднялась, прошла между стеллажами и через минуту вернулась с книгой.

— Попробуй эту.

Коля прочитал её за два дня. Потом пришёл снова. Через несколько месяцев библиотекарь уже знала его.

Иногда, увидев Колю в дверях, она говорила:

— Подожди. Кажется, для тебя что-то вернули.

И уходила к дальним полкам. Не все книги оказывались интересными. Некоторые он читал с трудом. Другие начинались хорошо, а потом становились скучными. Но бросать книги Коля не любил. Ему казалось неправильным оставить книгу на середине. Словно человек начал что-то рассказывать, а ты вдруг повернулся и ушёл. Настоящие открытия,

однако, случались не в библиотеке. Книги находились у людей. У соседей. У родственников. У знакомых родителей.

Однажды зимой Коля зашёл к однокласснику за тетрадью. На улице уже стемнело. Сапоги оставляли на полу прихожей мокрые следы. В доме пахло жареной картошкой, тёплой одеждой и угольной печью.

— Подожди, я сейчас, — сказал приятель и убежал в другую комнату искать тетрадь.

Коля остался один. У стены висела небольшая книжная полка. Он подошёл ближе. Книги там были совсем другие. Некоторых названий Коля никогда прежде не слышал. Он осторожно вытащил одну. Обложка была потёрта по углам, корешок немного отошёл, страницы пожелтели. Приятель вернулся.

— Что это?

— Да не знаю. Книга какая-то.

— Можно посмотреть?

— Смотри.

Коля открыл её.

На первой странице, в верхнем углу, синими чернилами было написано:

А. П. Ковалёв.

Ниже, другим почерком:

Семёновы.

А ещё ниже, простым карандашом:

Лида Гришина.

Коля долго смотрел на фамилии.

— А это кто?

— Кто?

— Ковалёв.

Одноклассник заглянул через его плечо.

— Не знаю.

— А Семёновы?

— Тоже не знаю.

— А Лида Гришина?

Приятель беспомощно развёл руками и засмеялся: — Коля, откуда я знаю?

— А книга откуда у вас?

Приятель пожал плечами.

— По-моему, тётка принесла. Или отец у кого-то взял.

Коля снова посмотрел на первую страницу. Трое. Три фамилии. А может быть, это были не владельцы. Может быть, просто читатели.

— Можно взять?

— Бери.

— Надолго?

— Да хоть на неделю.

Коля прижал книгу к боку и только тогда вспомнил, что вообще-то пришёл за тетрадью. Дома он сразу сел читать. Но в тот вечер содержание почему-то интересовало его почти так же, как фамилии на первой странице. Он пытался представить Ковалёва. Почему-то взрослым мужчиной. На-

верное, потому, что инициалы были написаны аккуратно и твёрдо. Вот Ковалёв сидит за столом. Перед ним лежит эта самая книга. Он переворачивает ту же страницу.

Потом книга каким-то образом оказывается у Семёновых. Семёновых, судя по надписи, было несколько. Может быть, семья. Может быть, два брата. Потом появилась Лида Гришина. Её имя было написано карандашом неровно, почти по-детски. Коля решил, что Лида была школьницей. Он перевернул страницу. Книга начиналась совершенно обычно. Но теперь она почему-то стала другой. Получалось, что книга жила ещё до него. Кто-то уже держал её в руках.

Кто-то переворачивал эти страницы. Кто-то загнул угол. Кто-то провёл возле одного абзаца тонкую линию карандашом. На сорок третьей странице Коля заметил маленькое светлое пятно. На семьдесят первой между листами лежал засушенный листок. Он осторожно достал его. Лист был тонкий, почти прозрачный. Сквозь сухую поверхность проступала тонкая сетка прожилок. Коля долго держал его на ладони. Кто положил его в книгу? Ковалёв? Кто-нибудь из Семёновых?

Лида Гришина? Или ещё один человек, который вообще не оставил своего имени? Коля вложил листок обратно. Впервые ему пришло в голову, что книга может хранить гораздо больше, чем написанный в ней текст. Она могла хранить людей. Не их лица. Не голоса. Не всю их жизнь. А только крохотные следы того, что когда-то они существовали.

Фамилию. Черту карандашом. Загнутый угол. Сухой лист. Коля прочитал книгу за три вечера. Несколько мест перечитал дважды.

А потом произошло то, чего прежде с ним не бывало. Ему не хотелось её возвращать. Он прекрасно понимал, что книга чужая. Но за эти три дня она каким-то образом стала немного и его. Коля взял карандаш. Открыл первую страницу. Под тремя фамилиями оставалось свободное место.

Можно было написать:

Коля. Или имя и фамилию полностью. Он уже коснулся грифелем бумаги. Потом остановился. Почему-то стало неловко. Ведь книга всё-таки была не его. Коля убрал карандаш. На следующий день он отнёс книгу однокласснику.

— Прочитал?

— Да.

— Понравилась?

— Очень.

Коля помолчал.

— А ты сам её читал?

— Нет.

— Почему?

Приятель удивился.

— Не знаю.

И бросил книгу на стол рядом с учебниками. Коля посмотрел на неё. Ему даже стало немного обидно.

— Ты аккуратнее.

— С чем?

— С книгой.

— А что ей будет?

Коля хотел что-нибудь ответить, но не нашёл слов. Наверное, действительно ничего. Книга пережила Ковалёва, Семёновых, Лиду Гришину и ещё неизвестно кого. Переживёт и этот стол.

Через несколько дней Коля спросил у матери:

Коля появился на кухне с тем особым выражением, по которому мать уже знала: сейчас последует очередной вопрос. Он прислонился к косяку и спросил: — Мам, а у нас старые книги есть?

Она стояла на кухне и что-то резала к ужину.

— Какие старые?

— Ну, которые раньше кому-нибудь принадлежали.

Мать задумалась.

— Посмотри в нижнем шкафу. Кажется, там бабушкины лежали.

Коля сразу пошёл искать. За стопкой журналов нашлись три книги. Две оказались старыми учебниками. Третья — небольшим томиком рассказов. Он открыл её.

На титульном листе фиолетовыми чернилами было выведено:

Марии Петровне. На добрую память. 1958 год.

Коля сразу крикнул:

— Мам!

— Что случилось?

— Кто такая Мария Петровна?

Мать заглянула из кухни, вытирая руки полотенцем.

— Какая Мария Петровна?

Коля показал книгу. Она прищурилась, прочитала надпись.

— Кажется, бабушкина учительница.

— А почему её книга у нас?

— Не знаю. Наверное, потом бабушке досталась.

— А Мария Петровна где?

Мать на секунду задумалась.

— Давно умерла.

Коля снова посмотрел на надпись. Умерла. А книга осталась. Это было очень простое открытие. Наверное, взрослые вообще не считали такие вещи открытиями. Человека уже давно нет. А его книга всё ещё стоит в шкафу. Её можно открыть. Можно прочитать те же слова. Можно увидеть надпись, сделанную почти двадцать лет назад. Коля унёс книгу к себе. Именно с неё, хотя тогда он этого ещё не понимал, началась его собственная библиотека. Сначала это была одна полка.

Потом две. Книги попадали к нему самыми разными путями. Кто-то отдавал ненужные. Что-то приносили родственники. Одну книгу он выменял у мальчишки из соседнего двора на несколько старых журналов. Ещё две купил на деньги, которые несколько недель откладывал. Но больше всего

Коля любил старые книги с чужими фамилиями. Новые были красивее. Белые страницы. Крепкие переплёты. Чистые форзацы. Но у старых было прошлое. Коля открывал книгу и первым делом смотрел на первую страницу.

Иванов.

Н. Соколова.

Семья Беловых.

С. П. Журавлёв.

Некоторые фамилии были зачёркнуты. Некоторые написаны по два раза. Иногда между страницами лежала автобусная карточка, маленький календарик или вырезанный кусочек газеты. Коля ничего не выбрасывал. Ему казалось, что эти вещи принадлежат книге почти так же, как её страницы. Однажды библиотекарь заметила, что он долго рассматривает надпись на старом томе.

— Что ты там нашёл?

— Фамилию.

— Чью?

— Не знаю.

Женщина поправила очки.

— Раньше часто подписывали книги. Чтобы не потерялись.

Коля хотел спросить:

«А если человек потерялся, а книга осталась?» Но почему-то не стал.

Вместо этого спросил:

— А сколько людей может прочитать одну книгу?

Библиотекарь улыбнулась.

— Хорошую?

— Хорошую.

Она посмотрела на полки.

— Много.

— Сто?

— И сто.

— Тысячу?

— Может быть, и тысячу.

Коля задумался. Тысяча людей. Все читают одни и те же слова. Но каждый — в своей комнате. В разные годы. Один — ребёнком. Другой — взрослым. Третий — уже стариком. И каждый, наверное, понимает одну и ту же книгу немного по-своему. Эта мысль показалась ему почти невероятной. С тех пор, открывая старую книгу, Коля всегда смотрел, нет ли на первой странице чужой фамилии. Ему нравилось знать, что он не первый. Прошло много лет. Посёлок остался далеко позади.

Изменились дома, улицы, города, в которых ему довелось жить. Книг у него стало столько, что уже трудно было вспомнить, откуда взялась каждая. Однажды он перебирал старую полку и вдруг увидел знакомый небольшой томик. Тот самый. Книга Марии Петровны. Коля взял её в руки. Фиолетовые чернила побледнели. Бумага стала ещё желтее. Переплёт потёрся. Он открыл первую страницу.

Мариш Петровне. На добрую память. 1958 год.

Ниже оставалось свободное место. Когда-то в детстве ему хотелось написать там своё имя. Теперь он снова вспомнил об этом. Можно было написать. Он имел на это даже больше права, чем тогда. Книга уже много лет принадлежала ему. Но Коля снова ничего не написал. Некоторое время подержал её в руках, потом осторожно закрыл и поставил обратно на полку. Пусть место останется свободным. Для следующего человека.

Пианино

Музыка появилась у Коли не сразу. Сначала были книги. Они занимали всё свободное пространство его воображения, и долгое время ему казалось, что этого достаточно. В книгах были города, моря, далёкие страны, люди, которые жили совсем иначе, чем люди в их посёлке. В них можно было уехать куда угодно, не сходя со стула. Но однажды оказалось, что есть ещё один способ уходить далеко. Музыка. В школе стояло старое пианино. Оно находилось в актовом зале возле стены, прикрытое тяжёлой коричневой крышкой. На праздниках за него садилась учительница музыки, и тогда зал сразу менялся.

Коля заметил это не сразу. Сначала он просто слушал. Потом стал смотреть на руки. Ему казалось странным, что десять пальцев могут заставить огромный деревянный ящик

говорить то тихо, то громко, то весело, то так, что вдруг становилось немного грустно, хотя никто ничего не сказал. Однажды после уроков он задержался возле пианино. В зале никого не было. Стулья стояли рядами, на сцене висел тяжёлый бордовый занавес, пахло пылью и натёртым полом.

Коля поднял крышку. Клавиши лежали перед ним ровными рядами — белые и чёрные. Он осторожно нажал одну. Раздался звук. Нажал другую. Потом ещё одну. Получилось бессмысленно. Но Коля улыбнулся. Он попробовал двумя руками. Звуки сталкивались между собой и тут же исчезали в пустом зале.

Из дверей донёсся голос. Коля вздрогнул и обернулся: на пороге стоял взрослый, внимательно глядя то на него, то на раскрытое пианино. — Ты что здесь делаешь?

Коля вздрогнул. В дверях стояла учительница музыки.

— Ничего.

— Это я вижу.

Она подошла ближе.

— Играть умеешь?

— Нет.

— А хочешь?

Коля посмотрел на клавиши.

— Хочу.

Учительница некоторое время смотрела на него, потом отодвинула стул.

— Садись.

Так состоялся его первый урок. Она показала, где находится до. Объяснила, почему клавиши повторяются группами. Поставила его пальцы правильно.

— Не дави. Рука должна быть свободной.

Коля старательно округлил пальцы.

— Вот так?

— Почти.

Он сыграл несколько нот. На этот раз они прозвучали уже не случайно. Потом ещё несколько. Из них получилась простая мелодия. Всего несколько звуков, но Коля сразу почувствовал разницу. Раньше он нажимал клавиши. Теперь он играл. Домой он шёл быстро. Ему хотелось рассказать обо всём сразу. О том, как устроена клавиатура. О нотах. О том, что у него получилось. О том, что учительница сказала, что слух у него есть. За ужином Коля почти не ел.

— Мам, а можно я буду заниматься музыкой?

Мать посмотрела на отца. Отец пожал плечами.

— Если уроки не забросишь.

— Не заброшу.

Через несколько дней всё решилось. Коля стал ходить на занятия. Сначала раз в неделю. Потом два раза. Он быстро выучил ноты. Понял, как читать их одновременно для двух рук. Научился считать длительности. Сначала пальцы путались. Левая рука отставала. Правая всё время пыталась играть быстрее. Учительница останавливала его.

— Не спеши.

Коля начинал сначала. Он не любил начинать сначала. Но постепенно привык. Самое трудное происходило дома. Там не было пианино. У него была тетрадь с нотами. Были задания. Было желание заниматься. Но не было инструмента. Он рисовал на листе бумаги клавиши. Белые. Чёрные. Ставил лист на стол и перебирал пальцами. Это помогало запоминать последовательность. Но звука не было. Без звука всё казалось ненастоящим.

Через несколько недель Коля спросил у отца:

Коля некоторое время стоял рядом, следя, как отец пишет в маленьком блокноте, потом всё-таки решился: — Пап, а мы можем купить пианино?

Отец не ответил сразу. Он сидел за столом, что-то записывал в маленький блокнот.

— Какое пианино?

— Обычное.

— Обычных не бывает.

Коля подошёл ближе.

— Ну, чтобы дома заниматься.

Отец поднял глаза.

— Они дорогие.

— Насколько?

— Дорого.

Для Коли это было не объяснение.

— А если не новое?

Отец отложил карандаш.

Отец отложил карандаш, потёр переносицу и ответил без раздражения, но с той усталой серьёзностью, которую Коля уже умел замечать: — Коля, пианино — это не велосипед и не ботинки. Оно стоит больших денег. Нам сейчас его не купить.

— А потом?

Отец посмотрел на него внимательно.

— Потом не знаю.

Коля помолчал.

— А если копить?

— Сколько ты будешь копить?

— Не знаю.

Отец вздохнул. Не раздражённо. Скорее устало.

— Ты сначала занимайся. Посмотрим.

Это «посмотрим» Коля запомнил. Взрослые часто говорили «посмотрим», когда не хотели говорить «нет». Он это уже понимал. Но всё равно несколько дней надеялся. Смотрел в магазинах на цены. Спрашивал у знакомых. Однажды услышал, что кто-то продаёт старое пианино. Он прибежал домой.

— Пап, там недорого!

Отец даже сходил посмотреть. Вернулся вечером.

— Ну?

— Старое очень.

— Но играет?

— Играет.

— Тогда можно?

Отец снял куртку.

— Коля, его ещё привезти надо. Настроить. И поставить куда-то.

Это было правдой. В их доме действительно почти не было места. Но Коле казалось, что место можно найти. Стол передвинуть. Шкаф переставить. Кровать сдвинуть. Если очень захотеть, место обязательно появится. Деньги было передвинуть сложнее. Через некоторое время он перестал спрашивать. На занятия всё равно ходил. И теперь начал искать возможность играть везде, где видел инструмент. В школе. В клубе. В музыкальном классе. У знакомых.

Иногда он специально приходил на урок раньше. Если дверь была открыта, садился за пианино и играл всё, что успевал.

Учительница однажды заметила:

Учительница задержалась в дверях, посмотрела на его покрасневшие от холода пальцы и улыбнулась: — Ты опять раньше всех?

— Да.

— Дома заниматься негде?

Коля покачал головой. Она ничего не сказала. Только потом стала иногда оставлять ему класс открытым. Это были лучшие полчаса недели. Тишина. Пустой кабинет. Пианино. Никто не торопит. Коля садился и начинал с гамм. Потом играл упражнение. Потом пьесу. Иногда ошибался на одном и

том же месте. Возвращался. Играл снова. Ему нравился сам процесс. Не только музыка. Нравилось, что сначала не получается, потом начинает получаться немного, а потом вдруг руки сами находят нужные клавиши.

Однажды он понял, что может сыграть пьесу целиком, не останавливаясь. Он сидел после последнего аккорда неподвижно. В классе ещё звучал остаток звука. Очень короткий. Но Коля успел его услышать. Потом открыл дверь и пошёл домой. За окном уже темнело. Снег под фонарями казался голубым. Он шёл и мысленно продолжал играть. Пальцы сами двигались внутри карманов. Со временем музыка стала привычной частью его жизни. Но только там, где было пианино.

Дома оставался бумажный рисунок клавиатуры. Иногда он клал его на стол. Играл пальцами. Потом останавливался. Смотрел на нарисованные клавиши и понимал, насколько они отличаются от настоящих. На бумаге палец ничего не чувствовал. Клавиша не уходила вниз. Не было сопротивления. Не было звука. Не было педали. Но он всё равно продолжал. Однажды мать увидела его за этим занятием.

— Что ты делаешь?

— Репетирую.

Она подошла ближе. Несколько секунд смотрела.

Мать несколько секунд молча смотрела, как пальцы сына беззвучно перебирают нарисованные клавиши, и тихо сказала: — Жалко, что пианино нет.

Коля пожал плечами.

— Ничего.

Он сказал это быстро. Почти небрежно. Но мать всё поняла. Она провела рукой по его волосам и ушла на кухню. Через несколько дней Коля услышал разговор родителей. Они думали, что он спит.

— Может, всё-таки найти какое-нибудь старое? — говорила мать.

— Куда мы его поставим?

— Можно переставить шкаф.

— Дело не только в шкафе.

Пауза.

— Я знаю.

Коля лежал под одеялом и смотрел в темноту. Ему вдруг стало стыдно. Не за пианино. За то, что из-за него родители говорят о деньгах. На следующий день он больше ничего не просил. Даже если где-то видел объявление о продаже инструмента, проходил мимо. Занятия продолжались ещё довольно долго. Потом стали реже. Потом появились другие дела. Школа. Экзамены. Новые книги. Новые интересы.

Учительница однажды сказала:

— Ты давно не приходил.

— Уроков много.

— Понимаю.

Она не стала уговаривать. Коля сел за пианино. Пальцы уже были не такими уверенными. Там, где раньше получа-

лось легко, теперь приходилось вспоминать. Он сыграл одну старую пьесу. Потом другую.

— Ты зря бросаешь, — сказала учительница.

Коля не ответил. Он и сам это знал. Но «бросаешь» было не совсем точным словом. Ему казалось, что он ничего не бросает. Он просто всё реже приходит. Потом ещё реже. А потом однажды понимаешь, что последний урок уже был. И ты даже не заметил, что он последний. Музыка осталась. Коля по-прежнему любил слушать пианино. Иногда, проходя мимо открытого окна, он останавливался, если кто-нибудь играл. Стоял несколько минут. Слушал. Потом шёл дальше.

Много лет спустя он оказался в доме, где в большой комнате стояло старое пианино. Хозяева разговаривали за столом. Коля подошёл к инструменту. Провёл пальцами по крышке.

Кто-то из хозяев заметил, как Коля задержал ладонь на крышке инструмента, и спросил с доброжелательной улыбкой: — Играешь?

— Когда-то немного.

Из-за стола отозвались почти сразу, без нажима, скорее из любопытства: — Сыграй.

Он улыбнулся.

— Я уже ничего не помню.

— Хоть что-нибудь.

Коля сел. Открыл крышку. Клавиши были чуть пожелтевшими. Он положил руки. Несколько секунд сидел неподвиж-

но. А потом пальцы вдруг нашли первые ноты. Мелодия была очень простая. Та самая, которую он когда-то долго учил в пустом классе. Он ошибся. Остановился. Начал снова. На этот раз дошёл дальше. Кто-то продолжал разговаривать за столом, кто-то слушал. А Коля уже почти ничего вокруг не слышал. Перед ним снова был школьный кабинет.

Полчаса до урока. Зимний вечер за окном. И мальчик, который торопился сыграть как можно больше, пока ему позволяли пользоваться чужим пианино. Когда мелодия закончилась, Коля ещё несколько секунд держал руки на клавишах. Потом тихо закрыл крышку.

— Жалко, что не продолжил, — сказал кто-то.

Коля посмотрел на инструмент.

— Да.

И после небольшой паузы добавил:

— Но я всё равно рад, что когда-то начал.

Он встал. Музыкантом он не стал. Пианино у него так и не появилось. Но много лет спустя он всё ещё помнил ощущение клавиши под пальцем.

И иногда этого было достаточно, чтобы понять:
не всё, что не сбылось, исчезает.

Полчаса до урока

Коля быстро понял: если прийти в музыкальную школу ровно к назначенному времени, поиграть удастся только на

уроке. А если прийти раньше — иногда можно получить ещё полчаса. Эти полчаса вскоре стали для него почти важнее самого занятия. После школы он не шёл домой. Быстро съедал то, что мать завернула с собой, закидывал портфель на плечо и торопился через весь посёлок к небольшому зданию, где находилась музыкальная школа. Зимой темнело рано.

В окнах домов уже зажигался свет, снег поскрипывал под ботинками, а дыхание превращалось в белый пар. Коля шёл быстро, иногда почти бежал, хотя никто его не торопил. Он боялся потерять время. Если прийти слишком поздно, свободный кабинет мог занять кто-нибудь другой. А если повезёт, дверь будет открыта. В коридоре музыкальной школы всегда пахло одинаково: пылью, старым деревом, мокрыми пальто и чем-то лаково-сладким от инструментов.

Из-за закрытых дверей доносились обрывки музыки. Где-то кто-то бесконечно повторял одну и ту же гамму. В другом классе ребёнок играл на скрипке и всё время промахивался мимо одной ноты. Из дальнего кабинета слышались тяжёлые аккорды. Иногда Коля замедлял шаг. Ему нравилось идти по этому коридору. Музыка здесь не звучала красиво. Она была раздроблена на упражнения, ошибки, повторы, остановки. Кто-то начинал. Кто-то бросал. Кто-то считал вслух.

Кто-то сердился. Но именно поэтому место казалось живым. Здесь музыку не слушали. Здесь её делали. Коля заглядывал в свой класс. Если пианино было свободно, он сразу садился. Сначала всегда смотрел на часы. До урока — трид-

цать две минуты. Иногда двадцать семь. Однажды — целых сорок. Сорок минут казались почти богатством. Он открывал ноты. Начинал с упражнения. Пальцы были холодные и непослушные. Первые несколько минут они будто вообще не принадлежали ему.

Коля растирал руки. Играл медленнее. Потом быстрее. Через некоторое время пальцы оживали. Тогда он переходил к пьесе. Слабое место у него всегда находилось одно. Несколько тактов, которые никак не хотели складываться. Правая рука уже знала своё движение. Левая опаздывала. Если смотреть на ноты — терял пальцы. Если смотреть на руки — терял место в нотах. Он начинал сначала. Ошибался. Возвращался. Снова. Иногда казалось, что становится только хуже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.